

Л.В. Роббек

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Сибири СО РАН, Якутск*

**Проблемы отбора словника
в лексикографической разработке языка
якутского героического эпоса олонхо**

Аннотация: В статье рассматривается проблема отбора словника при лексикографической разработке языка якутского героического эпоса олонхо, который, будучи своеобразной формой национального языка, требует нетрадиционного решения поставленной проблемы.

The article considers the problem of selection of a word-list when conducting a lexicographic elaboration of the language of the Sakha heroic epos *olonkho*. Language of the *olonkho*, being an original form of the national language, requires a non-traditional solution of the task.

Ключевые слова: словарь языка фольклора, вопрос о словнике.

Dictionary of folklore language, issue on word-list.

УДК: 811.161.1.

Контактная информация: Якутск, ул. Петровского, 1. ИГИиПМНС СО РАН, сектор якутской лексикологии и лексикографии. Тел. (4112) 353688. E-mail: robbek@mail.ru.

На современном этапе развития якутского языкознания актуальным является широкое и масштабное исследование языка героического эпоса олонхо, так как олонхо, будучи вершиной всех жанров устного народного творчества якутов, большую научную ценность представляет и в собственно лингвистическом плане. При этом с методологической точки зрения наиболее продуктивным способом изучения функционально-семантических особенностей эпического языка можно считать лексикографическую разработку языка олонхо. Выбор лексикографического метода обусловлен многочисленными факторами, в общей совокупности составляющими своеобразие языка фольклорных произведений, в частности, языка якутского героического эпоса. Следует особо подчеркнуть принципиальное значение того обстоятельства, что словари в этом случае «становятся инструментами (лингвистического. – Л.Р.) анализа материала, способами исследования фольклорного слова» [Никитина, 1988, с. 289].

Лексикографический анализ текста олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина показал, что общую структуру словаря языка олонхо, как и во всех случаях лексикографии, диктует сам материал: «Факты сами приводят к новым соображениям при ходе лексикографической работы» [Бобунова, 1994, с. 142]. Рассмотрим в связи с этим одну из наиболее острых проблем, стоящих перед фольклорной лексикографией – проблему отбора словника, которая самым тесным образом связана с функционально-семантическими особенностями эпического языка.

Исследователи считают, что при разработке структуры словаря языка устного народного творчества нетрадиционное решение вопроса в отношении как отбо-

ра заголовочных слов, так и принципов их расположения вполне допустимо, поскольку в нем (в языке фольклора) отражается своеобразная форма национального языка [Бобунова, 1994, с. 123]. Поэтому указанная проблема здесь также решается, исходя из характера и специфики самого лексикографируемого материала.

Так, в разрабатываемом словаре в качестве основной единицы лексикографирования выступают типовые формулы олонхо или формульные элементы, так как высокая формульность является наиболее характерной особенностью языка якутского героического эпоса. К примеру, достаточно объемный эпический период, представляющий собой одну из реплик главного героя якутского эпоса – обращение богатыря айы Нюргун Боотура к своему верному коню, практически целиком состоит из одних только формульных выражений:

Дьэ ... бо...

Ф.1 Соргулаах соноһоһум,
аналлаах атым!

Ф.2 Ыраах да буолларгын
чугас буол,
суох да буолларгын
баар буол!

Ф.3 Саастаахпын дьаныйдым,
өһөгөйдөөхпүн өлөрдүм!

Ф.4 Үрүң оһус саһа
өрөгөй үрдүөтэ,
саадьаһай оһус саһа
саргы салалынна,

Ф.5 өрөгөйдөөх үрдүк аат үрдүөтэ,
соргу дьаалы тубуста!»
– диэтэ

[Нюргун Боотур Стремительный, 1947, с. 158–159].

Дьэ ... бо ...

*Удачливый мой жеребец,
назначенный мой скакун!*

*Хотя ты и далек,
стань ближе,
хотя тебя и нет здесь,
явись ко мне!*

*Заклятого врага я одолел,
злобного противника я убил!*

*Счастье величиной с белого быка
возвысилось у меня,
удача величиной с пестрого быка
направилась ко мне!*

*Победное имя мое возвысилось,
удача высокая восторжествовала!*
– сказал

Основной мыслью приведенного периода является передача главным героем эпоса Нюргун Боотуром своему богатырскому коню информации о том, что он одержал победу в схватке со своим противником абаасы. Все пять частей типического периода **Ф.1 – Ф.5** представлены формулами, выраженными ритмико-синтаксическим параллелизмом. Первая часть периода – **Ф.1** – это непосредственное обращение богатыря к своему верному коню: *соргулаах соноһоһум, аналлаах атым* ‘счастливый жеребец мой, предназначенный конь мой’. Вторая часть – **Ф.2** – побудительное предложение, посредством которого высказывается приказ хозяина своему коню немедленно явиться к нему: *ыраах да буолларгын чугас буол, суох да буолларгын баар буол* ‘хотя ты и далек, стань ближе, хотя тебя и нет здесь, явись ко мне’. С помощью **Ф.3** Нюргун Боотур сообщает скакуну, что одержал победу над богатырем абаасы: *саастаахпын дьаныйдым, өһөгөйдөөхпүн өлөрдүм* ‘заклятого врага я одолел, злобного противника я убил’. В **Ф.4** и **Ф.5** способом метафоризации говорится о последствиях этой победы, принесших радость и ликование всему племени айы: *үрүң оһус саһа өрөгөй үрдүөтэ, саадьаһай оһус саһа саргы салалынна* ‘счастье величиной с белого быка возвысилось у меня, удача величиной с пестрого быка направилась ко мне’ и *өрөгөйдөөх үрдүк аат үрдүөтэ, соргу дьаалы тубуста* ‘победное имя мое возвысилось, удача высокая восторжествовала’.

Лексикографический анализ приведенного отрывка показывает, что целесообразнее всего представить в качестве словарной вокабулы целую эпическую формулу, нежели одну лексическую единицу, т.е. одно слово. Допустим, словарная вокабула, представленная в указанном словаре лексемой **ат** ‘конь’ даст

толкование, которое мало чем будет отличаться от значения литературного эквивалента этого слова. А вот лексико-семантическое содержание эпической формулы *соргулаах соноһос, аналлаах ам* букв. 'счастливый жеребец, предназначенный конь' будет подразумевать того же ездового коня, но уже с одним принципиальным отличием. Отличие в этом случае состоит в ином понимании содержательной структуры поясняемой вокабулы, а именно – в эпическом. Дефиниция в словаре языка олонхо вокабулы *соргулаах соноһос, аналлаах ам* букв. 'счастливый жеребец, предназначенный конь' будет обозначать уже не простого коня, ездовую лошадь, а верного друга и надежного помощника эпического богатыря, наделенного сверхъестественными способностями, в силу которых богатырский конь может летать по небу, понимать человеческую речь, а в некоторых случаях сам говорить по-человечески. Другими словами, это не простой конь-работяга, а выдающийся скакун, во всех отношениях достойный своего хозяина – героя народного эпоса.

Здесь существенно то, что указанное значение может передаваться только при условии целостности эпической формулы. Следовательно, главным признаком словарного слова в словаре языка олонхо выступает семантическая цельность значения, а также функциональная значимость вокабулы [Бобунова, 1994, с. 100].

Однако в таком случае требует некоторого уяснения вопрос о грамматическом представлении словарной вокабулы. На наш взгляд, в словаре языка олонхо имена существительные *соноһос* 'жеребец' и *ам* 'конь' должны быть выражены не в форме основного падежа, как это принято в традиционных толковых словарях, а именно в притяжательной форме, т.е. с аффиксом принадлежности *-(ы)м*: *соноһоһум* 'мой жеребец' и *атым* 'мой конь'. Определяется это особой синтагматической связью между составляющими формулы: именем существительным и именем прилагательным, которая имеет наиболее сильную позицию во второй части формулы – *аналлаах атым* 'предназначенный конь мой (предназначенный мне конь)'. Семантическое микрополе лексемы *анал* букв. 'назначение, определение; часть, предмет, кому либо назначенные или обещанные; назначенный, определенный, завещанный' [Пекарский, 1958, стлб. 104] в процессе взаимодействия с другими словами способствует тому, что вновь образованное словосочетание приобретает характер устойчивого словесного комплекса, в некотором роде даже родственного с фразеологическим оборотом. Например, если слово *дыхтар* в якутском языке имеет значение 'женщина', в сочетании с лексемой *аналлаах* 'предназначенный, определенный' (*аналлаах дыхтарым* букв. 'предназначенная мне женщина') оно означает уже 'жена, супруга', в крайнем случае 'суженая'. Следовательно, при разработке данного словаря необходимо учитывать то, что в языке олонхо в создании лексико-семантического содержания слова важна каждая лингвистическая деталь, в том числе такой простейший морфологический элемент, как аффикс.

Это подтверждается и тем, что в тексте анализируемого олонхо слово *аналлаах* 'назначенный, определенный; завещанный, обещанный' всего встречается восемь раз, при этом все восемь раз только в притяжательной форме, в сочетании со словами *хотун ойох* букв. 'госпожа-жена' – 2 раза [Нюргун Боотур Стремительный, 1947, с. 320, 348], *тойон эр* букв. 'господин-муж' – 2 раза [Там же, с. 348, 354] и с лексемой *ам* 'конь' – 4 раза [Там же, с. 82, 158, 240, 296].

Таким образом, при разработке словаря языка олонхо проблема отбора словника является достаточно сложной, и это в большинстве случаев ведет к нетрадиционному решению поставленного вопроса. Вместе с тем сказанное позволяет предположить, что разработка словаря языка якутского героического эпоса олонхо раскрывает совершенно новые перспективы не только в отношении отдельного раздела языкознания – лексикографии, но и, без всякого сомнения, в отношении якутского языкознания в целом.

Литература

Бобунова М.А. Фольклорная лексикография. Становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск, 1994.

Никитина С.Е. Словарь языка фольклора: принципы построения и структура // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X международный съезд славистов. М., 1988.

Нюргун Боотур Стремительный / Текст К.Г. Оросина; ред. текста, пер. и комментарии Г.У. Эргиса. Якутск, 1947.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: В 3 т. М., 1958–1959.